

14

12 ЯНВАРЯ, 96

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА!

БЕСЕДЫ АНДРЕЯ ВАНДЕНКО

Комс. правда. - 1996. - 12 янв. - с. 14.

Владимир ПРЕСНЯКОВ:

ВРЕМЯ ЛЕТАТЬ НА «ХОНДЕ»
И СЛАВИТЬ «ХЕРШИ»

- Что-то ты, Вова, в последнее время заматерел.

- Не без того... Может, питаться лучше стал. Или двигаться меньше.

- Возраст взростеть?

- Возраст мучать. У меня ведь не только физиономия раздалась, но и мускулы подкачались. Правда, я этим специально не занимался, само собой получилось. Я же теперь на мотоцикле гоняю, а это — машина движения, она, как говорится, требует большого физического напряжения.

- Слышал, ты даже в какую-то аварию угодил? Кого-то уронил с мотоцикла или сам загремел?

- Наветы. Это Мазаев грохнулся. (Для непосвященных: Мазаев — это Сергей Мазаев, лидер группы «Моральный кодекс». — А.В.)

- А шрам на брови, извини, откуда? Раньше вроде не было.

- Теперь есть. Несколько месяцев назад стукнулся лбом о микрофон. Случайно. В порыве. Бам!

- Со мной и раньше такое на сцене случалось. То губы разошлось, то по зубам сам себе заеду. Но за бровь я на этот микрофон сильно обиделся, даже скупать его хотел от злости.

- Так что к мотоциклу шрам отношения не имеет. Я крепко в седле держусь.

- На «Харлее» небось летаешь?

- Нет, у меня «Хонда» харлеевской сборки. Это круто. Такая красивая, низкая, с большим передним колесом.

- Полагаешь, это подходящий транспорт для Москвы?

- По Москве только на такой машине и ездить можно, это единственное, что дает настоящий кайф. Нет, не то слово. Это адреналин в кровь, все плохое вылетает из башки, остаются только восторг и незабываемое ощущение. Незабываемое!

- Ты с байкерами или сам по себе?

- У нас своя компания. Старые друзья.

- Мотоцикл — это, понимаю, давняя мечта?

- Да, у меня еще в Лондоне был аппарат, зеленый, класный. Правда, сейчас все равно лучше.

- Рекорды ставил?

- Сто шестьдесят выжимал.

- А милиция как на твои достижения смотрит?

- Закрывает глаза.

- Узнает и поэтому не обижает?

- Я же ничего не нарушаю.

- Тогда расскажи, где и кому разрешено ездить по Москве со скоростью 160 километров в час.

- Ты же спрашивал о рекордах... На мотоцикле скорость за сто — практически смертоубийство на наших дорогах. Ничего поделаться с машиной уже нельзя, несешься, куда глаза глядят. Это словами не объяснишь... Ты когда-нибудь на такой скорости ездил?

- Я вообще ни разу в жизни на мотоцикле не сидел.

- Не пробовал? Считаю, зря жил. У меня есть сзади место для пассажира, если не боишься, могу прокатить. Только сразу предупреждаю: после этого ты забудешь свою профессию, бросишь журналистику и пойдешь в мотоциклисты. Я тебе обещаю! Все, кто ездил, в шоке.

- Но ты-то пока не перекавалифицировался.

- Уже давно. Для меня мотоцикл теперь, как третья рука. Знаешь, есть увлечения, хобби, но здесь — другое. Говорят, так бывает у парашютистов, альпинистов. Я впервые сел за руль и — пропал навсегда. Это не способ перемещения, это чисто... кайф!

- Ты спросил: мол, ставил ли рекорды? Да, скорость — наркотик, но у меня нет желания проскочить на желтый свет или еще как-то рискнуть. Прелесть в самом процессе езды. Иногда даже хочется катить по улице медленно-медленно, чтобы все из окон вылезало, глядя, какой я весь из себя красивый. А как таким мотоциклом не любоваться? Ты-то его видел? Посмотри в окно. Он там, во дворе стоит.

- Без гаража? А как же сигнализация?

- Нет ничего у меня. Стоянка охраняется — и ладно.

- А вдруг...

- Без «вдруг». Когда мы куда-то приезжаем — в клуб или на дискотеку, я прошу, чтобы за мотоциклом последили.

- Значит, вы и семейные выезды практикуете?

- Раньше чаще бывало. Кристинку катал. Теперь она предпочитает в собственном авто ездить. А прежде усаживал ее сзади — и вперед. Вжик!

- Голос подает Кристинка, дотопе молча возвышаясь на кухне: — И беременной Вова меня возил, а когда Никита на свет появился, то и он удостоился чести в два дня от роду на папином мотоцикле прокатиться.

- Как — в два дня?

- В Лондоне дело было. Я на мотоцикле Кристину с Никитой из роддома забираю. И сейчас Никиту катаю, особенно летом. Однажды и он меня

- возил. Сел за руль и говорит: «Нет, папа, сегодня ты сзади». Мужик растет. У него даже специальная одежда рокерская есть — кожанка, сапоги.

- О твоей экипировке я уже и не спрашиваю.

- По полной программе. Могу гонять хоть летом, хоть зимой. Всяких прибамбасов накупил — шапки а-ля ниндзя, чтобы одни глаза видны были, перчатки, очки...

- Скажи, а бородку а-ля вождь мирового пролетариата зачем завел?

- Помнишь, в «Бриллиантовой руке»: «Дурик, ты зачем усы сбрил?» В картине Юрий Никулин сбрил, а я в жизни отпустил. Бородка — это очередная фишечка, очень модная во всем мире.

- У Андре Агасы такая бородка, у Брюса Уиллиса. Ну и я... Мальчик-дяденька, поющий фальцетом.

- Но бородка — не главное. Я вообще всякие фенечки люблю. Кристи мне крест подарил. Видишь? Серебро. А кольца и перстни я сам себе покупаю. Мне нравится сплав золота и серебра. Очень дорогостоящий металл считается. Недавно в Грузии нашел в антикварном магазине часы. Картье из белого золота. Красота!

- Правильно ходят?

- И ходят, и купаются, делают все, что нужно.

- Мне казалось, раньше ты на все эти бирюльки меньше внимания обращал. И выглядел поэтому иначе.

- Ты же понимаешь: внешность отражает внутренние перемены.

- Другим стал?

- Уже начинаю кое-что соображать из того, что я делаю на этой земле и для кого делаю. Раньше не обращал внимания на тени, которые есть у всего, включая самое прекрасное и светлое. Теперь стал замечать.

- Не в тебя пошел? — Я же вырос на море, в Гаграх. Мои родители работали там больше года. Тогда я плавать и научился.

- Реплика Кристинки: — Если бы Никита вырос в Гаграх, он тоже не боялся бы воды.

- Я и говорю: сын не в меня.

- Неумение плавать — не самое большое горе. Научиться.

- Конечно! Зато Никитка прекрасно играет на компьютере.

- Ты балуешь сына?

- Никита меня слушается. Побаивается, конечно.

- Шлепал его когда-нибудь?

- Нет... Ну так, слегка, не больно. Надо ведь знать и пряник, и кнут. Это нормально. Я например, был практически лишен кнута. А это нужно каждому человеку.

- Для повышения жизненного тонуса?

- Чтобы не расслабляться до конца... Жизнь обязательно повернется плохой стороной, и то, что я получаю от судьбы, лучше бы получать от родных. От отца, например.

- Хочешь сказать, что над тобой нет судьбы?

- Есть, конечно. Никита, родители, Бог, Алла.

- А Кристинка? Она тебе не указ?

- Не в этом дело. Мне не указы нужны, а советы. С Кристиной же у нас

принципиальные разговоры часто переходят в споры.

- Ты не противоречишь себе? Говоришь, что стал взрослым, и вруд советами...

- Я ведь не пытаюсь переложить ответственность на кого-то...

- То, что ты стал другим, видно и по участию в рекламе «Херши». Раньше не мог себе представить, что Вова Пресняков заплет во славу хоть «Херши», хоть «Пепси».

- Почему? Я не считаю это позорным делом. Главное — качество клипа. С «Херши» все коротко и интересно. Я давно мечтаю снять клип, в котором мне не пришлось бы петь, а были бы только танцы.

буду. Зачем рисковать лицом? Достаточно один раз подставиться, чтобы репутация сложилась навсегда.

- А в бизнесе себя не пробуешь? У одних твоих приятелей — собственные клубы, у других — киностудии...

- У меня пока ничего не получается, хотя есть предложение сделать именную парфюм. Или пиво.

- Второе, по-моему, ближе. Если останешься на пиве, то каком?

- Белом, хорошего качества. Выпуск планируется в Германии, но лучше не загадывать, чтобы не сорвалось. Конечно, быть хозяином магазина или ресторана — это не для меня, но обеспечить культурную программу проекта я смогу. Большого не хочу. Я же вижу своих друзей, которые после ухода в бизнес

не то чтобы испортились, но перешли в какое-то иное качество. Займись «Мерседес» — это ведь не значит стать лучше, верно?

- Наверное, кто умеет все совмещать, тот становится богаче и духовно, и материально. Но мои друзья — не хочу называть фамилии — теперь подвержены депрессиям и вообще... А я хочу остаться солнечным. Взрослым мальчиком.

- Не ты ли говорил: у меня уже сын вырос?

- Я весь из противоречий, что делать? Скажем, был период, когда в отношениях с Кристиной у нас вдруг появились проблемы, я даже в гостинице жил. Сейчас думаю: вроде бы и не со мной происходило.

- Переболел?

- Уверен, ты тоже испытывал подобное. Это каждый нормальный человек переживает.

- Говоришь так, словно живешь долго-долго и не ждешь от будущего сюрпризов.

- Это моя большая проблема. Я много знаю. С этим знанием справляться очень тяжело, поскольку наперед угадываешь, что произойдет — и плохое, и хорошее. Помогают семья, Кристина, Никита, друзья. Хотя часто мне хочется потянуться, уехать куда-нибудь одному. Правда, об этом лучше вслух не говорить. Есть риск оказаться непонятым. Мол, прикалывается парень. Все у него хорошо, а он жалуется. Но я не жалуюсь. Ты спросил, я ответил.

- От плохих. Где проблема со звуком.

- Таких много?

- Процентом восемьдесят. Классной аппаратуры на периферии практически не осталось, она оказалась не нужна, когда многие на фонограмму перешли.

- А ты по-прежнему принципиально поешь живьем?

- Конечно.

- Так категорически?

- Можно, конечно, пару раз побаловаться в сборных концертах...

- Прагматиком становишься, Володя. Как-то не вяжется с привычным образом витающего в эмпиреях.

- Жизнь учит. Например, я уже умею, не отвечая на неприятный вопрос, задавать встречный или молча улыбнуться. Отработал поведение после концертов, когда люди валом прут. Одному нужен автограф, другой деньги просит взаими, третий за рукав дергает. На моих концертах работают четверо телохранителей, и все равно в толкотне публика часто сбивала меня с ног. Если миндальничать, можно и живым не выбраться. Поэтому обычно замечаю для себя: за этой девочкой или мальчиком — точка, даю последний автограф и — ноги!

- А телохранителями давно обзавелся?

- Мы специально приглашаем профессионалов, чтобы они помогали на концертах. А по жизни меня, конечно, никто не охраняет. Я в состоянии за себя постоять. И не кулаком. Голову иметь важнее.

- Ты не боишься ракеты, всего такого прочего?

- Я верю, что у человека есть поле, которое его охраняет. Главное — это поле не разрушить. У меня пока оно есть, но об этом лучше много не говорить, чтобы не накаркать. На самом деле я очень суверен. Тыфу-тыфу!

- Конечно, береженого Бог бережет. Если мне понадобится помощь, она придёт через десять секунд. Но это крайний случай, до которого не хотелось бы доводить. Только не спрашивай, как да что. Лучше сменим тему.

- Семейным человеком себя уже чувствуешь? Я имею в виду образ жизни, а не внутреннее состояние. По моему разумению, в будни спать до трех часов дня может только холостяк, у которого нет забот.

- Ну я не каждый день до обеда в койке... Но ты прав: я еще не вполне осознал тяжесть положения, в которое угодил. Ничего, Кристина постепенно приводит меня в чувство... А конкретно сегодня я провалился в постели так долго потому, что только вчера вернулся с гастролей. Обычно мне достаточно дня, чтобы войти в ритм, хотя, конечно, поспать люблю. И тепло люблю, а зиму — соответственно — не люблю. Если на улице холодно, хотя бы батареи в квартире должны греть.

- Из-за любви к теплу ты и предпочитаешь фестивали в южных странах? То Канары, то Мадейра.

- Тут уже не в климате дело, а в компании. С товарищами готов ехать хоть на край света.

- А родителей часто навещаешь?

- Честно? Редко. Я маму сейчас зазываю к нам пожить. А с папой на гастролях видимся. Перед концертом: «Привет!» После концерта: «До свидания!» К сожалению, общаемся мало, хотя отец по-прежнему для меня первый авторитет.

- Петрович тебя к газеточтению не приставил?

- Я в основном по книгам специализируюсь. На классику налегаю. Булгаков, Бунин... Правда, для этого настроение нужно.

- Ты рассказывал, что у тебя были планы, с кино связанные.

- Пока не складывается. Если уж играть, то у режиссера уровня Никиты Михалкова. Боюсь оказаться в роли неплохого певца Володи Преснякова, который вдруг решил стать плохим актером. Это будет прихоть, а зрители подобного не любят. Нужно качество. Никита Сергеевич — это гений, ему я верю.

- Вы знакомы?

- Через Степана Михалкова. Мы же бываем у них на даче.

- Тебе трудно общаться с такими людьми, как Никита Сергеевич? Какие темы для разговоров находите?

- Ассоциации. Мы рисуем словами разные миры. Это, как полет. С Михалковым — наоборот — легко.

- Впрочем, на случай, если по жизни тяжело приходится, у меня универсальный рецепт припасен. Надо пивка попить, и сразу отпускает. Не хочешь для поднятия боевого духа накатить по баночке?



Володя не козу делает, а викторию.

- То есть в «Херши» тебя интересовала форма клипа, а не качество новалитки и гонорар?

- С «Херши» работали мои старые приятели, которые все и задумали. Мне представилась возможность быстро и качественно сняться. Зачем отказываться? Деньги на полноценный клип найти сложно, а здесь маленький энергичный сюжетик...

- Бытует мнение, что в рекламе артист как бы размывает свой талант.

- Ага, об этом любят порассуждать те, кто по клубам и рестораничкам выступает. Нет, я никого не осуждаю, просто понимаю, что после долгого сидения в клубах уже не собрать «Олимпийский», как ни старайся. Это, пожалуй, главное. А то, что люди, мол, жуют за столиками под твою музыку, не самое страшное. И я жевал.

- Под чей аккомпанемент?

- Под Элтона Джона, к примеру... Господи, всех не вспомнишь: Тина Тернер, Билли Джоэл, Мик Джаггер, Дэвид Гилмор, «Пинк Флойд», «Роллинг Стоунз».

- И где же это было?

- В Лондоне, в Лондоне... Там проходил классный сейшн в местном «Хард Рок Кафе». Звезды вставали из-за столиков и пели.

- Повторяю: всему надо знать время и место. Поэтому я отмечаю рассуждения, что плохо сниматься в рекламных клипах. Это работа.

- Ну а если это будет клип в поддержку ЛДПР?

- Политика не для меня. Конечно, очень приятно было, когда звонил Шварцнадзе и благодарил за концерт в Тбилиси. В День Москвы я всегда на Красной площади выступал, но это другое. Ни за кого конкретно я петь не

произойдет — и плохое, и хорошее. Помогают семья, Кристина, Никита, друзья. Хотя часто мне хочется потянуться, уехать куда-нибудь одному. Правда, об этом лучше вслух не говорить. Есть риск оказаться непонятым. Мол, прикалывается парень. Все у него хорошо, а он жалуется. Но я не жалуюсь. Ты спросил, я ответил.

- От плохих. Где проблема со звуком.

- Таких много?

- Процентом восемьдесят. Классной аппаратуры на периферии практически не осталось, она оказалась не нужна, когда многие на фонограмму перешли.

- А ты по-прежнему принципиально поешь живьем?

- Конечно.

- Так категорически?

- Можно, конечно, пару раз побаловаться в сборных концертах...